

КОЛЛЕКЦИИ

«ПРЕЛЮБОПЫТНОЕ СОБРАНИЕ ИДОЛОВ»

Традиционно считается, что начало фондам Кунсткамеры по народам Прикаспия и Средней Азии было положено участниками Военно-топографической экспедиции Александра Черкасского, которые приобрели и доставили в столицу империи значительный коллекционный материал, обозначенный как «Собрание редкостей Каспийского моря». Здесь были «древности», обнаруженные «в языческих молельнях на восточном краю Каспийского моря в стране Самарканд», «прелюбопытное собрание идолов», жертвенная утварь, старинные рукописи на пергаменте и многое другое¹. Такое утверждение сложно согласовать как с трагической судьбой экспедиции (даже принимая во внимание несколько этапов ее реализации), так и с очевидной невозможностью приобрести «собрание идолов» в мусульманской «стране Самарканд».

Между тем эти противоречия легко снимаются, если вспомнить о том, что параллельно с экспедицией Черкасского поиски пути к Эркету (Яркенту) и его песошного золота осуществлялись путем последовательной отправки вверх по Иртышу нескольких военных отрядов². В 1715 г. один такой отряд под командованием подполков-

ника И. Бухгольца смог продвинуться до озера Ямышева в Среднем Прииртышье. В 1717 г. тем же маршрутом был отправлен отряд подполковника П. Ступина, укрепивший только что основанную Семипалатинскую крепость, восстановивший разрушенную ойратами крепость на Ямышевом озере и выдвинувшийся далее к озеру Зайсан. Наконец, в 1719–1720 гг. в верховья Иртыша был послан отряд под командованием майора И. М. Лихарева. «...По прибытии в Тоболск о песошном золоте и о пути к Эркету разных чинов людей сто семь человек я допрашивал, — сообщал в донесении Лихарев. — Да сверх помянутых допросов для подлинного свидетельства ис Тоболска ходил я до Заисана и за Заисан озеро»³.

И. М. Лихареву, основавшему на Иртыше Усть-Каменогорскую крепость, как и его предшественникам, не удалось добыть каких-либо сведений о золоте⁴. Для нас важно то, что Лихарев, как и многие так или иначе связанные с Петром люди, прекрасно знал о его интересе к «куриозным вещам». При этом, не выполнив ни одного из царских поручений (крепость на озере Зайсан, путь в Эркет, информация о золоте) и получив от царя письмо с ясным выражением недовольства, он, очевидно,

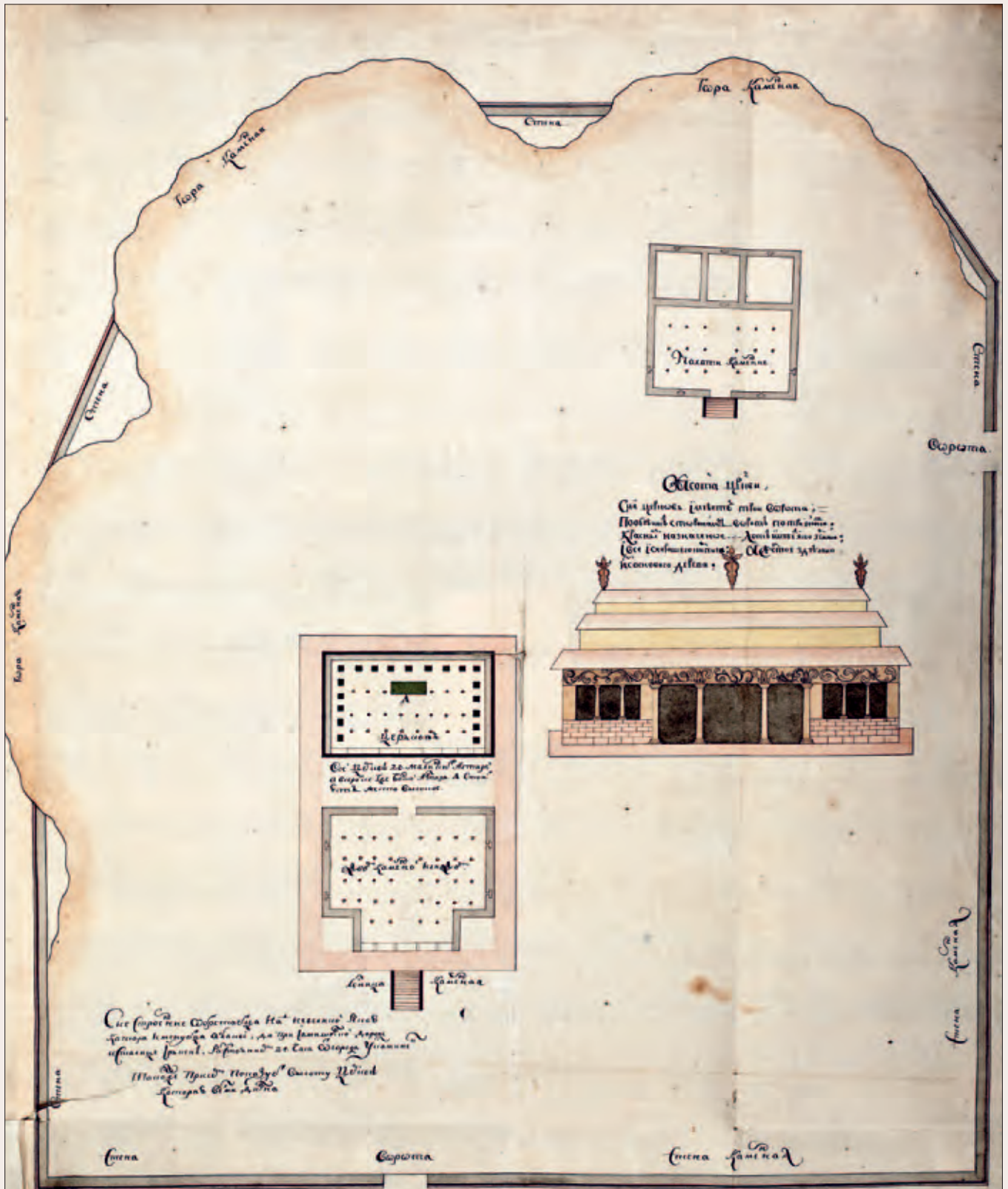

Рис. 1. «План Аблайкитских палат», отосланный в 1721 г. Петру I сибирским губернатором князем А. М. Черкасским. Библиотека Академии наук. Отдел рукописей и редкой книги. Собрание иностранных рукописей. Ф. № 266. Том 5. Л. 54. С любезного разрешения библиотеки

попытался задобрить Петра посылкой ему древностей⁵. Так в 1720 г. в Санкт-Петербурге появилась коллекция бронзовых изделий, принесенных, согласно сообщению Лихарева, «местными крестьянами», которые нашли их при грабительских раскопках могил в окрестностях джунгарского укрепленного буддийского монастыря Аблай-кит, и рукописные листы, собранные в монастыре⁶. Монастырь Аблай-кит (рис. 1). был основан в 1654 г. тайши Аблаем (?–1674). В 1671 г. в ходе междоусобной борьбы взят джунгарским ханом Галданом-Бошогту (1644–1697) и обречен на запустение. Развалины монастыря находятся в Калбинских горах (ныне — на территории Уланского района Восточно-Казахстанской области).

Находки в прямом и переносном смысле пришлись ко двору: вплоть до смерти царя некоторые из них украшали его рабочий кабинет. В этот период было множество причин, по которым Петру было важно привлечь внимание европейцев к России, к научным и музейным проектам, осуществление которых находилось под его собственным неусыпным контролем. Во многом поэтому к коллекции, присланной Лихаревым, был проявлен исключительный интерес не только в России, но и в Европе. В 1721 г. сообщение о находках было опубликовано во французской газете. Рисунки, сделанные с присланных Лихаревым предметов, были в 1722 г. по распоряжению Петра направлены в парижскую Академию надписей и изящной словесности. Вскоре гравюры с рисунков были опубликованы вместе с описанием, составленным И. Д. Шумахером, библиотекарем Императорской библиотеки, и комментариями французского ученого Б. Монфона⁷. Это была первая публикация русских археологических коллекций⁸ (рис. 2–10).

После смерти Петра предметы из коллекции Лихарева, имеющие различное функциональное назначение, хронологию и культурную принадлежность, были переданы в Кунсткамеру⁹. В первой половине 1730-х гг. художники Рисовальной палаты зафиксировали их еще раз. Во время пожара Кунсткамеры в 1747 г. коллекция погибла, в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН сохранились только сделанные с предметов акварели¹⁰.

Современный анализ предметов из коллекции Лихарева, атрибуция которых с течением времени неоднократно менялась и не завершена по сей день, позволил установить, что в ней представлены предметы не только буддийской, даосской, но и западносибирской и западноевропейской пластики¹¹. Последние никоим образом не могли происходить из древних могил из окрестностей Аблай-кита, а входили, по мнению исследователей,

Рис. 2. Изображение бронзовой статуэтки буддийского божества из коллекции И. М. Лихарева (по: Montfaucon. *Supplement*). Из развалин монастыря Аблай-кит, XVII в. (?)

«в состав коллекции, которая могла быть собрана одним из иностранных специалистов на разных территориях Западной Сибири»¹². Как бы то ни было, сегодня совершенно ясно, что история этой коллекции еще не написана¹³.

Что же касается листов буддийских рукописей из Аблай-кита, то они были показаны немецким ученым М. Лакрозу и И. Б. Менке. Последний опубликовал найденные в Аблай-ките тексты в журнале “*Acta eruditorum*” (рис. 11). В 1722 г. текст из Аблай-кита был послан во Французскую академию наук, где переводчики-иезуиты М. и Э. Фурмон подготовили условный «перевод» на латынь¹⁴. Не очень понятно, почему Петр предпочел

Рис. 3. Изображение бронзовой статуэтки буддийской богини Зеленая Тара из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Из развалин монастыря Аблай-кит, XVII в. (?)

Рис. 4. Изображение бронзовой статуэтки человека в длиннополой одежде из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Западная Европа, развитое Средневековье (сер. XI – перв. пол. XV в.). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае (ср.: Борисенко, Худяков. «Западно-европейский акваманил». С. 128)

Рис. 5. Изображение бронзового акваманила — сосуда для омовения рук в виде конного рыцаря — из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Западная Европа, XIV в. (?). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае (Борисенко, Худяков. «Предметы торевтики». С. 33–34)

Рис. 6. Изображение бронзового светильника в виде всадника (римского императора) из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). IV в. Приобретено, в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Рис. 7. Изображение скульптурной группы из всадника, ребенка и священника, выполненной в греко-буддийском стиле, из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). V–VI вв. (см.: Княжецкая. «Новые сведения». С. 30–32). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Рис. 8. Изображение даосского святого из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Китай, VIII–IX вв. (см.: Княжецкая. «Новые сведения». С. 30–32). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Рис. 9. Изображение бронзовой бляхи из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*). Западносибирское культовое литье (ср. с орнито-зооморфными бляхами кулайской и релкинской культуры (Л. А. Чиндина. *Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа* (Томск, 1986). С. 72–74; она же. *История Среднего Приобья в эпоху раннего средневековья* (Томск, 1991). С. 59–60). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

Рис. 10. Изображение бронзового акваманила в виде сидящей птицы со сложенными крыльями из коллекции И. М. Лихарева (Montfaucon. *Supplement*) (ср. Аблай-китская статуэтка, изображающая птицу, своей позой, пропорциями и манерой изображения перьев, сложенных крыльев и хвоста имеет черты сходства с найденной в Суздале бронзовой дарохранительницей в виде голубя, изготовленной во Франции в XIII в. (В. П. Даркевич. «Произведения западного художественного ремесла в Восточной Европе X–XIV вв.». *Свод археологических источников* (М., 1966). С. 27; Борисенко, Худяков. «Коллекция находок». С. 130). Приобретено в начале XVIII в. на Рудном Алтае

обратиться к французским ученым, а не к куда более квалифицированным знатокам монгольского, ойратского или тибетского языков, жившим в России¹⁵.

Основываясь на дошедшей до нас информации о рукописи, М. И. Воробьева-Десятовская, автор комментированного русского перевода одной из сторон документа, смогла в целом реконструировать облик и значение списка, хранившегося в Аблай-ките: «В руки ученых попал лист из так называемой “парадной рукописи”, т. е. рукописи, изготовленной для чтения в особо торжественных случаях и хранящейся в тибетских и монгольских монастырях в качестве реликвии. Об этом говорит, во-первых, размер листа (ок. 68,75 × 19,4 см) — это очень большая и, судя по всему, тяжелая рукопись — такой том не будешь носить для чтения каждый день; во-вторых, качество бумаги — плотная лощеная, напоминающая пергамент (такая бумага для рукописей применялась в Тибете и Монго-

лии крайне редко), и наконец, использование чернил с серебряным порошком для написания текста. Аналогичные рукописи — на белой, синей или черной бумаге, которая иногда покрывалась лаком, — хранятся в фонде тибетских ксилографов Института востоковедения АН СССР в Ленинграде. Они такого же размера, как рукопись из Аблай-кита, написаны чернилами с бронзовым (“под золото”) или иным металлическим (“под серебро”) порошком. Иногда в Тибете в чернила добавляли настоящий золотой или серебряный порошок. Форма листа — потхи, это обычный для тибетских и монгольских рукописей стандарт — вытянутые листы, в которых длина намного превосходит ширину. Обычно на таких листах располагались пять-восемь строк текста с каждой стороны. В данной рукописи — по восемь строк. О том, что рукопись из Аблай-кита — парадная, свидетельствует и еще один факт: на листе нет отверстия для брошюровки,

но это отверстие отмечено графически. Это значит, что листы складывались в пачку, один на другой, пачка помещалась между двумя досками, обтянутыми шелком или парчой, возможно разукрашенными драгоценностями; после этого том заворачивали в кусок шелковой материи и хранили вместе с другими такими же томами.

Время и место переписки рукописи без анализа бумаги установить не удастся. По палеографии рукопись напоминает тибетскую (нужно при этом учитывать, что в нашем распоряжении имеется копия, изготовленная Менке в виде гравюры на меди). Скорее всего рукопись действительно была привезена из Тибета (священной для всех буддистов страны, где жил Далай-лама) и хранилась в монастыре Аблай-кит в качестве реликвии. Лист относится к середине сочинения, его порядковый номер не сохранился. Возможно, в том же томе были переписаны и другие сочинения. По содержанию текст представляет собой буддийское сочинение, озаглавленное «Сутра о следовании великой мантре». В тексте приводится санскритский текст мантр, записанных тибетским письмом»¹⁶.

Для нас важно, что некоторая часть буддийских рукописей из развалин того же монастыря¹⁷ попала в руки нового сибирского губернатора князя А. М. Черкасского, который в 1721 г. отослал шесть листов в Санкт-Петербург¹⁸. Таким образом, коллекция, появившаяся в результате экспедиций с целью поиска песошного золота и пути в Эркет (напомним, что эта же цель ставилась Петром и перед князем Александром Черкасским, погибшим в Хиве, и перед майором И. М. Лихаревым), стала ассоциироваться с экспедицией Александра Черкасского.

Редкости, доставленные в Санкт-Петербург майором И. М. Лихаревым и по большей части связанные с территорией современного Казахстана, стали одним из первых собраний Кунсткамеры. Изучение этого собрания ознаменовалось первой публикацией русской археологической коллекции и стало одним из начал европейских буддологических штудий.

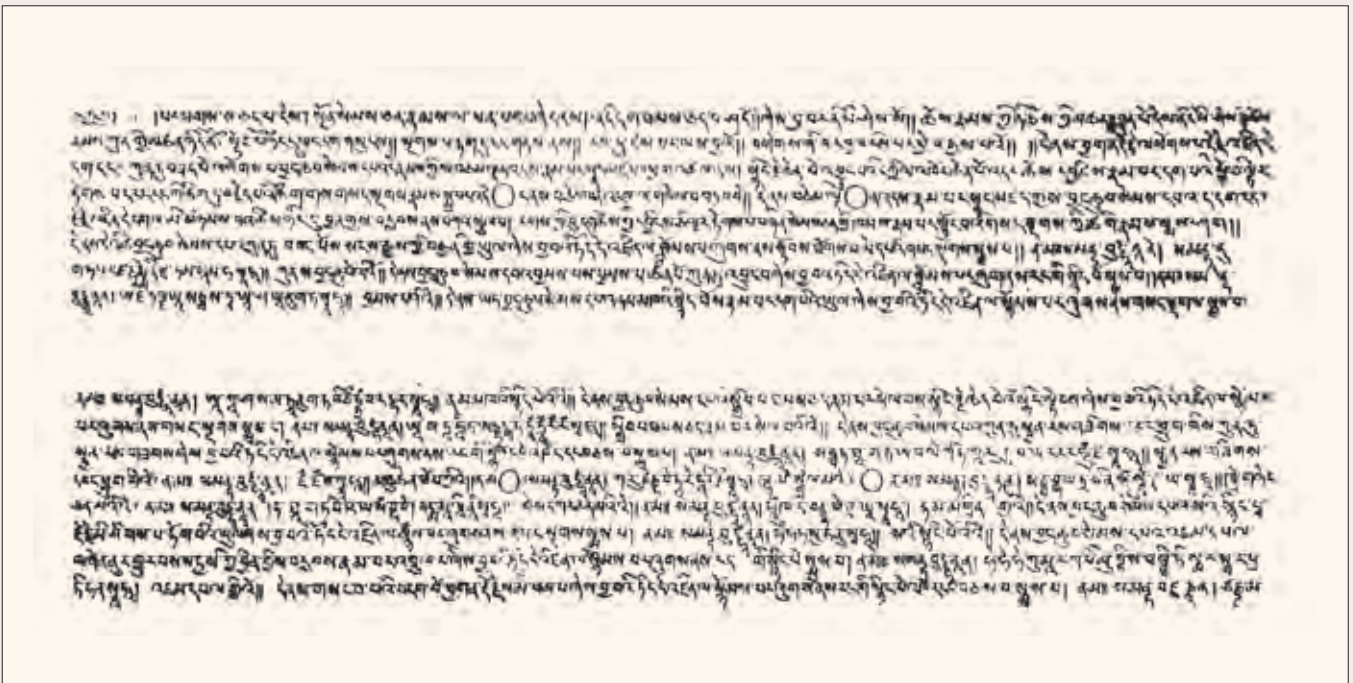

Рис. 11 а–б. Обе стороны листа тибетского ксилографа «Сутра о следовании великой мантре» из коллекции И. М. Лихарева (по гравюре на меди в J. V. Menke. “Nova literaria de ms-ptis codicibus in Tartaria repertis”. *Acta eruditorum* (Lipsiae, 1722). P. 374–376). Из развалин монастыря Аблай-кит

Примечания

- ¹ Т. В. Станюкович. Этнографический музей Русского географического общества. *ТИЭ. Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии*. Вып. 7 (Л., 1977). С. 22–28; см. также В. А. Прищепова. *Коллекции заговорили: История формирования коллекций МАЭ по Средней Азии и Казахстану (1870–1940)* (СПб., 2000). С. 7.
- ² Подробнее см.: А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков. «Поиски древностей в Прииртышье в погоне за “песочным золотом” российскими и европейскими военными и учеными в первой половине XVIII в.». *Социально-экономические и этнокультурные процессы в Верхнем Прииртышье в XVII–XX веках: Сборник материалов международной научной конференции* (Новосибирск, 2011). С. 24–29.
- ³ РГАДА, ф. 248 (Сенат), оп. 7, д. 373, л. 453об. Цит. по: В. Б. Бородаев. *Архивные документы 1719–1720 годов о выборе места и основании Усть-Каменогорской крепости*. [Online]. Доступно на: <http://earhiv.vko.gov.kz/ru/Page/Index/1481> (последнее посещение 14.11.2015). Здесь же опубликованы «Доношение лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат с краткими итогами выполнения именного указа от 18 января 1719 г.», «Ведомость о пути экспедиции лейб-гвардии майора И. М. Лихарева на озеро Зайсан и Черный Иртыш в 1720 г.», «Репорт лейб-гвардии майора И. М. Лихарева в Сенат о войсках, оставленных в новопостроенных иртышских крепостях».
- ⁴ Двумя годами позднее Петр I попытался достичь тех же целей, но уже дипломатическим путем. К правителю Джунгарии Цэвэн-Рабдану было отправлено посольство во главе с капитаном И. Унковским, который безуспешно попытался добиться разрешения на поиски руд на джунгарской территории. Подробнее см.: Э. П. Зиннер. *Сибирь в известиях западноевропейских путешественников и ученых XVIII века* (Иркутск, 1968). С. 50.
- ⁵ В. И. Молодин, Ю. С. Худяков, А. Ю. Борисенко. «Одна из первых публикаций XVIII в. по археологии Сибири». *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума* (Новосибирск, 2002). С. 40.
- ⁶ Е. А. Княжецкая. «Новые сведения об экспедиции И. М. Лихарева (1719–1720)». *Страны и народы Востока*. XXVI (М., 1989). С. 27.
- ⁷ V. Montfaucon. *Supplement du livre de l'Antiquité expliquée et Representée en Figures. Tome cinquième. Le Funerailles. Par Dom Bernard Montfaucon*. (Paris, 1724). Т. 5. См. также: Княжецкая. «Новые сведения». С. 20–29.
- ⁸ А. А. Формозов. *Страницы истории русской археологии* (М., 1986). С. 29.
- ⁹ Княжецкая. «Новые сведения». С. 29.
- ¹⁰ Подробнее см.: «Нарисованный музей» *Петербургской Академии наук. 1725–1760*. Составление и научная редакция Р. Е. Кистенмакер, Н. П. Копанева, Д. Й. Мейерс, Г. В. Вилинбахов. Том 1, (СПб., 2003). При этом «Семипалатинск» был указан в качестве места находок. См., например, там же. С. 208, № 676. См. также: Е. Ю. Басаргина, О. В. Иодко, М. В. Пониаровская, И. М. Щедрова. *Архив Кунсткамеры. Из истории первых археологических коллекций: собрание акваманилов*. [Online]. Доступно на: <http://www.ranar.spb.ru/rus/vystavki/id/458> (последнее посещение 15.11.2015 г.).
- ¹¹ Подробнее см.: А. Ю. Борисенко, Ю. С. Худяков. «Предметы западноевропейской и ламаистской торевтики в составе аблайкитской коллекции: к истории изучения». *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. VIII/5 (2009). С. 28–35. Этим авторам принадлежит серия работ, посвященных темам, так или иначе связанным с происхождением коллекции Лихарева (значительная часть этих работ доступна в сети). См., например: они же. «Публикация об аблайкитской коллекции с территории Сибири». *Четвертые Макушинские чтения* (Новосибирск, 1997). С. 99–101; они же. «Коллекция находок XVIII в. с территории Рудного Алтая». *Известия Лаборатории археологии*. II (Горно-Алтайск, 1997). С. 129–134; они же. «Из истории одной из первых российских коллекций археологических находок с территории Рудного Алтая». *Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: Материалы научно-практической конференции*. VIII (Барнаул, 1997). С. 24–27; они же. «Находки западноевропейских водолеев XII–XV вв. на территории Западной Сибири». *Интеграция археологических и этнографических исследова-*

- ний: Материалы VI Международного научного семинара*. I (СПб.; Омск, 1998). С. 22–24; они же. «Находки гильдесгеймских акваманилов XII–XIII вв. на территории Сибири». *Археология и этнография Сибири и Дальнего Востока* (Улан-Удэ, 1989). С. 88–89; они же. «Торговые контакты Германии с Западной Сибирью в XII–XIII вв.». *Известия лаборатории археологии*. III (Горно-Алтайск, 1998). С. 197–203; они же и Д. Цэвээдорж. «Джунгарская печать из Прииртышской коллекции Г. В. Де Генина». *Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов: Тезисы докладов IV Международной научной конференции* (Томск, 1999). С. 154–155; они же. «Находки западноевропейских бронзовых водолеев XII–XV вв. на территории Западной Сибири». *Немецкий этнос в Сибири: Альманах гуманитарных исследований*. I (Новосибирск, 1999). С. 38–44; они же. «Г. В. Де Генин — исследователь древностей Урала и Сибири XVIII в.». *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI в. Материалы научной конференции* (Ижевск, 2000). С. 374–377; они же. «Немцы в Сибири в XV–XVII вв.». *Древности Алтая V*. (2000). С. 18–24; они же. «Западноевропейский акваманил, привезенный в XVIII веке Г. Ф. Миллером из Сибири». *Археология и этнография Алтая*. I (Горно-Алтайск, 2003). С. 123–129; они же. «Изучение памятников “древности татарской” в Западной и Южной Сибири немецкими учеными XVIII в.». *Aus Sibirien — 2006. Научно-информационный сборник* (Тюмень, 2006). С. 11–14; они же. «Изучение древностей Прииртышья европейскими учеными в XVIII в.». *Изучение памятников Павлодарского Прииртышья*. II (Павлодар, 2006). С. 275–285; они же. «Проникновение западноевропейцев в Сибирь в XII–XIII вв.». *Aus Sibirien — 2008* (Тюмень, 2008). С. 26–29.
- ¹² Они же. «Коллекция находок». С. 134.
- ¹³ Н. П. Копанева (МАЭ РАН), посвятившая изучению ранних коллекций Кунсткамеры многие годы, допускает возможность того, что среди предметов, представленных на иллюстрациях, опубликованных в Париже, могли быть вещи, доставленные в Кунсткамеру Даниилом Готтлибом Мессершмидтом. Его исследовательская работа в Сибири, проходившая с 1720 по 1726 г., дала необычайно богатые результаты. Как бы то ни было, в коллекциях Лихарева и Мессершмидта отмечены параллели (например, похожие акваманилы в виде конных рыцарей, см.: Борисенко, Худяков. «Предметы западноевропейской и ламаистской торевтики»). С. 34, рис. 5).
- ¹⁴ По мнению М. И. Воробьевой-Десятковской, адекватный перевод этого текста оказался возможным лишь благодаря достижениям буддологии начала XX в., значительная роль в которых принадлежит ученым Петербургской буддологической школы (в первую очередь Ф. И. Щербатскому и С. Ф. Ольденбургу). См.: М. И. Воробьева-Десятковская. «Лист тибетской рукописи из Аблай-кита». *Страны и народы Востока*. XXVI/3. Средняя и Центральная Азия. (География, этнография, история) (М., 1989). С. 39.
- ¹⁵ Переводчики (драгоманы и толмачи, как русские, так и представители восточных народов), в силу естественных причин появились в России задолго до 1549 г., времени создания Посольской избы. Подробнее см.: С. А. Белокуров. *О Посольском приказе* (М., 1906). С. 34.
- ¹⁶ Воробьева-Десятковская. «Лист тибетской рукописи из Аблай-кита». С. 37.
- ¹⁷ А. Ю. Борисенко и Ю. С. Худяков («Поиски древностей». С. 26) отмечают, что «в 1719 г. по Сибири проехал англичанин Д. Белл, включенный в состав российского посольства в Китай. Во время пребывания в Тобольске он узнал о развалинах ойратского монастыря “Семь палат” на Иртыше. Ему стало известно о находках свитков из лощеной бумаги, “красиво исписанных, на многих из них позолоченные письмена. Некоторые из свитков черные, а большинство — белые. Язык, на котором они написаны, является языком тунгусов или калмыков”. Вероятно, он имел в виду тангутский, т. е. тибетский, язык. Во время пребывания Д. Белла в Тобольске один солдат предложил ему купить “за умеренную цену” целую связку таких бумаг. Вернувшись в Англию, Д. Белл подарил эти рукописи знакомому “ученому антиквару” Г. Слоуну, поместившему их в своем музее».
- ¹⁸ Формозов. *Страницы истории русской археологии*. С. 24–25.